ГЛАВА 2
РЕВОЛЮЦИЯ В МУЗЕЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В МУЗЕЯХ ЛИТВЫ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В Российской империи, как и в Европе XIX — начала XX в., музеи были важными институтами строительства нации. Для литовского общества межвоенного времени эту функцию института национального самосознания выполнял Национальный музей Литвы — Военный музей Витовта Великого, существовавший с 1926 до 1940 г. во «временной столице» Каунасе. Советская власть с самого начала своей идеологической политики в Литве осознавала этот «неудобный» национальный уклон.

В данной главе речь пойдет о создании и развитии советской модели музеев в Литве и о конфликтных линиях, возникших вследствие пересмотра литовских национальных традиций межвоенного времени и формирования музеев заново по советскому шаблону.

В центре внимания находится особый тип музея — Музей Революции (в Литве). Музей Революции СССР, основанный в Ленинграде и перемещенный потом в Москву, служил примером для музеев определенного, историко-революционного типа во всех республиканских центрах. Музей имел ключевое значение для советской музейной культуры потому, что именно этот институт контролировал и формировал музейную инсценировку социалистической истории и Второй мировой войны до 1991 г. Представление истории в Музее Революции и акценты его постоянной экспозиции считались ориентиром для других республиканских музеев. Через анализ Музея Революции можно проследить то, как литовская история интерпретировалась сквозь призму теории марксизма-ленинизма. Кроме Музея Революции мы рассмотрим развитие музеев-мемориалов в Пирчюписе и Аблинге и проанализируем специфическую литовскую иконографию памятников. В главе рассматривается история мемориала жертвам фашизма в Девятом форте Каунаса. В отличие от Пирчюписа и Аблинги, большинство жертв

в «Крепости смерти» Каунаса были не литовцами, а евреями из различных стран Европы и советскими военнопленными. Мы рассмотрим, как этническое происхождение жертв влияло на политизацию и музеализацию места и какую роль играл факт многослойности исторического места.

Музейное дело в первый год советского правления

В контексте введенных советской властью кардинальных изменений в символической политике уже летом 1940 г. последовало переименование каунасского Военного музея Витовта Великого. Он получил название Музея военной истории, имя литовского князя Витовта было запрещено, как и все символы национальной государственности и патриотизма. 26 июля 1940 г., еще во время так называемого «революционного процесса», приведшего к присоединению Литвы к Советскому Союзу, постоянная экспозиция была зачищена от национальных символов. Портреты Антанаса Сметоны и других политиков из его круга, цитаты из его речей и картины, изображающие сцены борьбы литовцев против большевиков в 1918–1919 г., были изъяты.[1] В новой выставке главным стала представленная как «восстановление исторической правды» передача Вильнюса Литве, которая стала возможна благодаря советской власти.

В измененной выставке музея большое внимание уделялось Красной армии как непобедимой военной силе. Кроме портретов политических вождей и военных, а также красных флагов, особое пространство уделялось «дружбе» между советской и литовской армиями. Находившаяся в центре зала фигура Витовта Великого была заменена на бюст Сталина.[2] В бывшем Зале славы Витовта теперь разместились портреты Ленина, Сталина, Молотова и Юстаса Палецкиса. Коммунистическое руководство часто наносило визиты в музей осенью 1940 г., контролируя развитие и пополнение музейной экспозиции.

Торжественные церемонии почета во дворе бывшего Военного музея у могилы литовского Неизвестного солдата, павшего в борьбе с большевиками, были запрещены. Также исчезли все священные символы национальной истории и культуры: Вечный огонь у Мемориала павшим за

---

[1] *Samavičius R.* Muziejų likimai sovietų ir nacių okupacijos metais (1940–1944) // Darbai. 1996. N 1. P. 42–48.

[2] Ibid. P. 42.

свободу и независимость Литвы, национальный триколор и колокольня на башне музейного здания. Новая власть требовала от музейного начальства абсолютной лояльности и симпатии к коммунизму.

Для переоформления литовского «пантеона национальной славы» в Музей Революции была создана специальная комиссия. Она состояла из членов ЦК КП(б)Л, высших чинов Красной армии и музейных работников. Как писал «Голос Литвы» весной 1941 г., у музея «теперь было задание: развить в обществе любовь к советской власти и воспитать долг защиты большой родины рабочих».[3]

В помещениях бывшего Военного музея уже 20 августа 1940 г. был основан Музей народной борьбы.[4] Официальная передача Наркомату просвещения последовала 13 сентября 1940 г.[5] Уже к 1941 г. все музеи Литвы, за исключением Музея искусств, находились в подчинении Наркома просвещения ЛССР. Ему было поручено написание статутов, которые должны были пройти апробацию КП(б)Л и Верховного Совета Литвы.[6]

К началу 1941 г. музей уже назывался Музеем Революции. Практически сразу стала очевидна его фундаментальная проблема: отсутствие экспонатов, которые могли бы иллюстрировать «народную борьбу литовцев за социализм». Кроме листовок и подпольных газет Литовской Коммунистической партии, сохранившихся в архиве Отдела Госбезопасности, едва ли остались какие–либо материалы. Единственным решением проблемы стало обращение к Союзной сети советских музеев, через которую музей смог получить свои первые экспонаты: ими стали присланные из Музея Красной армии и флота в Москве ключевые полотна соцреализма, такие как «Сталин и Ворошилов в Кремле» Александра Герасимова и «Прибытие Ленина в апреле 1917 г. в Петроград».

Работа по сбору экспонатов и оформлению выставки Музея Революции в Каунасе была остановлена нападением Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. После трех лет немецкой оккупации, когда он перевоплотился в Музей Красного террора, бывший Военный музей в 1944 г. опять стал Музеем Революции.

---

3 Цит. по: *Samavičius R.* Muziejų likimai sovietų ir nacių okupacijos metais (1940–1944). P. 42–43.

4 Из переписки Музея Революции ЛССР с музеями СССР за 1981 г. // LNMA. F. RM. Ap. 1. B. 745. L. 11.

5 Решение Совета народных комиссаров от 13.09.1940 // LCVA. F. R422. Ap. 1. B. 1. L. 16.

6 Там же.

Музей Красного террора: национал-социалистические образы врага (большевиков) в музейном оформлении

Национал-социалистическое руководство проводило на оккупированной территории не только политику разрушения и похищения произведений искусства, но и мероприятия идеологическо-воспитательного толка. Так, оно требовало от литовских музейных работников уничтожения любого материала, связанного с сопротивлением немецким крестоносцам, восстанием литовцев против немцев в регионе Клайпеды и т. п. Портреты литовских национальных деятелей, которые были возвращены на свое место сразу после отступления Красной армии, провисели недолго, так как их быстро заменили на портреты руководителей рейхскоммисариата Остланд. В январе 1942 г. в помещениях бывшего Военного музея — Музея Революции был открыт Музей Красного террора. Возник он на базе экспонатов, которые были собраны по общественной инициативе и одобрены «исследовательским бюро», возникшим по приказу немецкого командования осенью 1941 г.[7] Показательно, что в течение короткого срока — всего около трех месяцев — общественными силами было собрано более 120 тысяч экспонатов.[8] Популярность выставки была огромна: только в Каунасе выставку посетили почти 100 тысяч человек.[9]

Главный акцент выставки делался на жертвах большевистского террора после 1940 г. Здесь без ретуши были представлены политические жертвы со следами жестоких пыток НКВД в Тельшяйской тюрьме (в Райняй).[10] Сильно суггестивная, ориентированная на эмоциональное подавление экспозиция должна была усилить образ большевиков как национальных врагов литовцев. Отчетливо видна на выставке и этническая проекция образа врага — еврея. Утверждалась легенда о господстве евреев в управленческих и полицейских структурах большевиков. Это должно было усилить миф «жидобольшевизма», согласно

---

7 Raudonojo Teroro Muziejus // LCVA. F. R423. Ap. 1. B. 13. L. 9.

8 Ibid.

9 Ibid.

10 Речь идет о преступлениях НКВД при отступлении частей Красной армии из Литвы. 24–26 июня 1941 г. в тюрьме были замучены до смерти 76 заключенных. 28 июня местные жители в рамках народной траурной акции захоронили трупы замученных. Следы преступлений советской секретной службы и траурная массовая акция были фотодокументированы. См.: Forgotten soviet crime. Rainiai in Lithuania 24–25th June 1941. Vilnius, 2005.

которому литовцы испытали притеснения, вплоть до уничтожения, от большевиков-евреев.

Этот экскурс в историю Музея Красного террора времен немецкой оккупации важен потому, что здесь просматривается образец дискурса для пересмотра представления советского периода в Литве во время движения за независимость 1987–1989 гг. и после ее восстановления. Выставка, ориентированная на эмоции страха и отвращения, подчеркивала якобы этнический характер большевистского террора, чтобы доказать негативные последствия советской «оккупации» в культуре и экономике Литвы. Кроме того, через реконструкцию вооруженной борьбы литовцев против большевиков в 1918–1919 гг., доказывалась «историчность» литовского сопротивления советской власти, представляемая прототипом антисоветского сопротивления в послевоенное время.

Фотографии искалеченных жертв пыток в Тельшяйской тюрьме важны прежде всего в этом контексте. В сделанных отделом нацистской пропаганды фото показаны изуродованные трупы жертв НКВД. Эти фотографии были опубликованы в издаваемой оккупационной властью антибольшевистской и антисемитской газете «За свободу» и изданы в 1942 г. отдельной брошюрой “Žemaičiu kankiniai”, «Мученики Жемайтии».[11] После войны вместе с эмигрантами эти фотографии попали на Запад, а затем, уже в независимой Литве, были опубликованы вновь, однако без сопровождающего комментария об истории их создания.[12] Важно, что как в 1942 г., так и сегодня эти фотографии занимают ключевое место на выставках о советском времени в музеях Литвы.

Ресоветизация музейного дела в Литве после 1944 г.: Музей Революции

Вернувшаяся из Москвы после окончания немецкой оккупации КПЛ ставила перед собой три задачи: возвращение предметов искусства, увезенных в Германию во время оккупации, ликвидация предметов религиозного культа, возвращенных церквям во время оккупации, и создание историко-революционных музеев и мемориалов на местах нацистского террора и массового уничтожения людей.

---

[11] Брошюра также предназначалась для международной пропаганды: Lithuanian archive: Years of Bolshevizm. Vol. 1. Kaunas, 1942.

[12] См., напр.: Forgotten soviet crime. Rainiai in Lithuania 24–25th June 1941. Vilnius, 2005. P. 10–11.

По приказу Совета народных комисаров от 9 ноября 1944 г. «О восстановлении работы музеев ЛССР» музеи Литвы должны были немедленно возобновить свою работу.[13] Первая официальная послевоенная выставка в Литве открылась в августе 1945 г., была посвящена пятилетию (!) существования Советской Литвы и носила название «Комсомол Литвы в борьбе за Родину».[14] Схожую функцию имели и «Красные уголки», созданные в школах и библиотеках страны для встреч с ветеранами и солдатами Красной армии.

Однако Музей Революции смог открыть свои двери лишь в 1948 г., и теперь в Вильнюсе, а не в Каунасе.[15] Работу по сбору экспонатов историко-революционной тематики пришлось начать заново, что заняло долгое время.

Однако, кроме официальных мест презентации истории, в Литве стали возможны и музеи, созданные по общественной, неофициальной инициативе. Это прежде всего Еврейский музей в Вильнюсе, а также основанный позже Музей караимов и Музей Пушкина.[16]

Необходимо отметить прямое подчинение Музея Революции московскому центру. Тематико-экспозиционные планы проверялись несколькими инстанциями в Москве: Институтом истории партии при ЦК КПСС, Институтом истории при Академии наук СССР, Музеем Революции СССР и Главлитом СССР. [17] Со временем Музей Революции превратился в инстанцию, задающую тон всем остальным музеям республики и исполняющую цензурную функцию, как и Главлит. С 1979 г. все выставки дополнительно к утверждению Академией наук и Институтом истории партии ЦК КПЛ должны были пройти контроль и утверждение Музеем Революции.[18]

Надо отметить, что Музей Революции чрезвычайно быстро и эффективно работал над музеализацией истории Советской Литвы. В 1949 г. были открыты первые выставки: «Борьба литовцев за советскую власть», «Крестьяне Советской Литвы на пути к социализму»,

---

[13] Из переписки Музея Революции ЛССР с музеями СССР за 1981 г. // LNMA. F. RM. Ap. 1. B. 745. L. 11.

[14] Стенограмма 6-го Съезда Партии КП(б)Л за 1949 г. // LYA. F. 1771. Ap. 51. B. 214. L. 21.

[15] Музей в Каунасе стал Государственным историческим музеем ЛССР.

[16] Отчеты ЦК КП(б)Л за 1946 г. // LYA. F. 1771. Ap. 9. B. 445. L. 12.

[17] Годовой отчет Первичной партийной организации Музея Революции ЛССР за 1979 г. // LYA. F. 4631. Ap. 5. B. 17. L. 1.

[18] Там же. L. 2.

вскоре последовали выставки «Винцас Капускас», «Ленинская искра в Литве», «Сталинская конституция — самая демократичная в мире» и тому подобное.[19]

В 1960 г. открылась постоянная экспозиция из пяти отделов:

1. Революционное движение в Литве с конца XIX в. до 1917 г.
2. Великая Октябрьская социалистическая революция и возникновение советской власти в Литве.
3. Борьба рабочих за восстановление советской власти в 1940–1941 г.
4. Восстановление советской власти и построение основ социализма в Литве.
5. Советская Литва и Великая Отечественная война.[20]

Метод функционирования исторической идеологии в Советском Союзе проявляется здесь достаточно четко: темы, не принадлежащие к советской истории, такие как довоенная Литва, были стерты из репрезентации.

Необходимо проанализировать выставку отдела «Советская Литва и Великая Отечественная война», так как она служила ориентиром для остальных музеев и мемориалов. Показательно, что бóльшую часть ее экспонатов составили вещи и документы из ликвидированного в 1949 г. Еврейского музея Литвы, о котором подробнее будет рассказано в следующей главе.

Неудивительно, что немецкая оккупация Литвы представлялась в музее в общесоветском контексте борьбы и сражений 1941–1945 гг., с такими этапами, как Брест, Москва, Сталинград, Берлин.[21] Рассказывалось о героизме красноармейцев и работников тыла, отдавших жизнь за победу. В этом же ключе преподносился и вклад Литвы в победу, а контекст немецкой оккупации как бы исчезал. Представляя литовцев героями и жертвами фашистского террора через рассказ о партизанском движении и сожженных деревнях, из истории оккупационного периода изъяли все, что касалось административных и полицейских структур на оккупированной территории. Характерной особенностью презен-

---

[19] Годовой отчет Первичной партийной организации Музея Революции ЛССР за 1950 г. // LYA. F. 4631. Ap. 1. B. 2. L. 83.

[20] Письмо директора музея Решеляускаса к Первичной партийной организации Музея. 27.10.1960 // LNMA. F. RM. Ap. 1. B. 167. L. 328.

[21] Выставка анализируется здесь по музейной брошюре: Lietuvos TSR Revoliucijos Muziejus. Vilnius, 1986; и Протоколу контрольной комиссии 1982 г. // LNMA. F. RM. Ap. 1. B. 792.

тации было замалчивание еврейского происхождения жертв и активных борцов против нацизма — они стали литовцами и коммунистами.

Центральное место в экспозиции занимала тема сожженных деревень. Жертвы сожженной деревни Пирчюпис должны были символизировать страдание всего литовского народа от немецких захватчиков. Исключенными из нарратива оказывались советские военнопленные — во всей выставке эта группа жертв не упоминалась.

Литовцы представлялись не только жертвами, но и героями в контексте общесоюзной борьбы в партизанских отрядах. Выставлялись удостоверения партизан, листовки, оружие, а также портреты литовских партизан — Героев Советского Союза. Демонстрировалась крепкая дружба литовских и белорусских партизан; литовцы боролись не только за их литовско-советскую родину, но и, в духе советского патриотизма, за общую социалистическую родину — Советский Союз.

16-я Литовская дивизия была представлена гордостью литовского народа. Солдаты дивизии демонстрировались как пример для следующих поколений. Однако факт значительного еврейского присутствия в составе мультинациональной дивизии замалчивался, были отобраны только этнические литовцы.

Филиалы Музея Революции

Первым филиалом Музея в 1957 г. стал расположенный в его бывшем здании Мемориальный дом Феликса Дзержинского, рассказывающий о школьных и университетских годах основателя ЧК.

В 1960 г. были созданы филиалы — Музей фашистского террора в Понарах и Пирчюписский музей жертв фашизма.

Самый маленький из всех музеев в Понарах представляет собой лишь выставочное пространство размером 54 м^2. Основной Музей Революции определял здесь не только оформление выставки, но и ландшафтный дизайн мемориального парка. На выставке были представлены материалы ЧГК и работы подполья с ноября 1942 по 1944 г.

Следующий филиал был учрежден в 1968 г. в связи с 50-летним юбилеем КПЛ — Музей первого партийного съезда КПЛ с реконструированной аутентичной обстановкой 1918–1919 гг. В 1974 г. в лесу Руднинку в реконструированной землянке партизан был открыт Музей подпольных баз южного комитета КПЛ.

Число посетителей филиалов сильно различалось: например, Музей Революции в 1980 г. посетило 39 тысяч человек, Музей первого

партийного съезда — 24 тысячи, мемориал Феликса Дзержинского — 15 тысяч, мемориал в Пирчюписе — 72 тысячи, партизанские землянки — 28 тысяч. Наименьшее число посетителей было в Понарах — 9 тысяч ежегодно.[22]

Очевидно, главным военным музеем страны был музей в Пирчюписе, посвященный жертвам фашизма. Что представлял из себя этот мемориал?

Это не должно повториться! Скорбь и героизм в мемориалах жертвам нацистского террора в Литве

Чтобы усилить повод для национальной скорби — представление о литовском народе как жертве нацистского террора, необходимо было выбрать характерное для республики место. Им оказалась сожженная деревня Пирчюпис. Благодаря аутентичности посещение Пирчюписа действовало сильнее, чем презентация в Музее Революции. Кроме того, особенностью мемориала в Пирчюписе было иконографическое оформление — впервые в Советском Союзе был сооружен мемориал, выражающий скорбь, — и что особенно важно — в фольклорном стиле.

Пирчюпис: исторический контекст

Деревня Пирчюпис, расположенная в 45 км юго-восточнее Вильнюса, — лишь одна из многих деревень, уничтоженных во время немецкой оккупации Литвы. Во время подобных акций «реванша» жилые территории окружались целиком и «зачищались» вместе с мирными жителями.[23] В Литве эта тактика стала применяться с осени 1943 г.,[24] тогда как в Беларуси, Украине, Польше и России она стала составляющей частью оккупационной политики вермахта уже с 1941 г. Отступая, вермахт применял тактику «сожженной земли».[25] В Беларуси таким образом было

---

[22] Из переписки Музея Революции ЛССР с музеями СССР за 1981 г. // LNMA. F. RM. Ap. 1. B. 745. L. 14.

[23] О нацистском терроре против литовского мирного населения см.: *Dieckmann Ch.* Deutsche Besatzungspolitik in Litauen 1941–1944. S. 1406.

[24] *Dieckmann Ch.* Deutsche Besatzungspolitik in Litauen 1941–1944. S. 1401.

[25] *Hartmann Ch.* Unternehmen Barbarossa. Der deutsche Krieg im Osten 1941–1945. München, 2012. S. 71.